

I. Исследователи, собиратели и коллекционеры

Н. И. Ивановская

Казанские исследователи истории Волго-Камского региона В. И. Заусайлов и И. Н. Смирнов

В последней трети XIX в. Казань, исторически сложившийся восточный форпост Российской империи, становится крупнейшим региональным и научным центром. Во многом это было связано с деятельностью Казанского университета — одного из старейших в России, организованного в 1804 г. на базе первой в российской провинции гимназии. При нем были созданы библиотека, научные лаборатории, а также ряд научных и литературных объединений, в деятельности которых принимали участие наиболее образованные представители общества. Таким образом, вклад университета в формирование местной интеллигенции трудно переоценить.¹

В названный период именно интеллигенция начинает играть ведущую роль в обществе, определяя содержание его духовной жизни, что, впрочем, в то время происходило повсеместно. Одним из проявлений научной и общественной жизни русской провинции в конце XIX — начале XX в. было изучение своего края, его истории. Не была исключением в этом отношении и Казань. Богатейшая история многонационального региона способствовала зарождению в среде казанских ученых и многочисленных любителей старины живейшего интереса к прошлому края, его древностям и этнической истории, что способствовало созданию в 1878 г. в Казани Общества археологии, этнографии и истории. Его учредителями и членами стали как профессионалы, так и краеведы, многие из которых были не только увлеченными исследователями, но и страстными коллекционерами.

В предлагаемой статье речь пойдет о двух представителях казанской интеллигенции, посвятивших свою жизнь изучению Волго-Камского региона, — профессоре Казанского университета И. Н. Смирнове, занимавшемся археологическими и этнографическими исследованиями, и местном купце В. И. Заусайлове, собравшем к концу XIX в. ценную археологическую коллекцию по каменному и бронзовому векам Волго-Камья. Несмотря на разницу в социальном и имущественном положении (В. И. Заусайлов был весьма успешным предпринимателем, а И. Н. Смирнов — типичным интеллигентом-разночинцем, сыном сельского священника, добившемся профессорского звания исключительно ценой упорного труда и собственных способностей), этих людей объединяло многое. Они были почти ровесниками, оба являлись членами Общества археологии, этнографии и истории со дня его основания и, главное, страстно увлекались археологией.

Василий Иванович Заусайлов относился к редкому во второй половине XIX в. типу русских купцов, для которых предпринимательская деятельность была не смыслом жизни, а скорее, средством реализации своих интересов и увлечений.² Будучи наследником солидного состояния, он получил блестящее для человека его сословия образование, окончив Казанский университет по кафедре химии, которой тогда заведовал известный русский химик А. М. Бутлеров. Однако подлинной его страстью на протяжении всей последующей жизни была археология, что можно объяснить и вполне объективными причинами.

В середине XIX в. в России происходит становление археологии как науки. Возрастает интерес к ней в широких кругах российской интеллигенции. Начиная с 1860-х гг. в разных городах России регулярно проводятся археологические съезды, на которых не только обсуждаются проблемы и итоги археологических исследований, но и демонстрируются находки, сделанные во время раскопок. Казань, центр интересного в историческом отношении Поволжского региона, где следы древнего прошлого встречались буквально на каждом шагу, не могла остаться в стороне от бурно развивавшейся в то время молодой археологической науки. Не случайно в 1877 г. Казань была избрана местом проведения IV Археологического съезда. Именно тогда В. И. Заусайлов (которому в то время было около тридцати) имел возможность присутствовать на его заседаниях, а также посетить археологическую выставку, организованную участниками съезда. Это событие повлияло на всю его последующую жизнь, пробудив в нем серьезный интерес к археологии.

Осенью 1878 г. В. И. Заусайлов начинает заниматься коллекционными сборами. Он так описывает свои археологические изыскания: «Орудия в огромном большинстве случаев отыскивались таким образом, что я объезжал поочередно деревни губернии и в каждой из деревень по прибытии собирал сведения не имеет ли кто из жителей „громовых стрел“, так как только под этим названием известны крестьянам древние каменные орудия; оказавшиеся предметы покупал, разумеется, при согласии на то владельцев. Только в очень немногих местностях мне удалось добыть орудия путем производства раскопок». Сначала он приобретал предметы во время своих поездок по деревням, затем их начали приносить ему домой. Как правило, он тщательно фиксировал со слов местных жителей, где был найден тот или иной предмет, а когда обстоятельства позволяли, сам участвовал в раскопках. Однако очень часто археологические предметы попадали к нему от перекупщиков, и в этом случае место их приобретения, естественно, нельзя было считать местом происхождения находки.³

Археологическая коллекция В. И. Заусайлова, собиравшаяся им в течение 26 лет и сделавшая его имя известным научной общественности, состояла из 10 935 предметов, из них: каменных — 5282, бронзовых — 1292, железных — 1417, костяных — 1010, гончарной и стеклянной посуды — 1639 и других предметов разных эпох — 295. В этом собрании число предметов, характеризующих эпоху одного только бронзового века Волго-Камского региона, равнялось (в 1907 г.) числу предметов (относящихся к этому же периоду), которыми располагали все российские музеи вместе взятые. В составе коллекции были скифо-сарматские, финно-угорские, тюркские и скандинавские древности. Собрание отражало то сложное переплетение и взаимовлияние культур и этносов, которое было характерно для древней истории Волго-Камья.⁴

В. И. Заусайлов не был специалистом в области древнейшей истории, поэтому часто прибегал к советам профессионалов. В 1884 г. он опубликовал иллюстрированный альбом

каменных предметов, собранных им в Казанском у. Казанской губ. При его подготовке Заусайлов консультировался с профессорами Казанского университета П. И. Кротовым и А. А. Штукенбергом, за что благодарил их в предисловии к изданию.⁵

Василий Иванович Заусайлов, сознававший ценность содержащихся в коллекции материалов, старался сделать ее достоянием общественности. Он неоднократно демонстрировал отдельные экспонаты на научно-промышленных выставках. С собранием же целиком можно было ознакомиться в его собственном доме в Казани, где оно было открыто для осмотра «ученым специалистам». В путеводителях по городу эта выставка называлась «Музей В. И. Заусайлова». Его коллекция была хорошо известна в научных археологических кругах и вызывала огромный интерес.

В 1894 г. в Казани был открыт городской публичный музей, в числе основателей которого был и В. И. Заусайлов, в дальнейшем долгие годы состоявший в Совете музея. Одно время он даже заведовал крупным музейным отделом, в котором хранились материалы крупнейшего казанского коллекционера А. Ф. Лихачева, составившие основу музея. В течение ряда лет Василий Иванович приобретал для музея самые различные коллекции, а также дарил ему предметы из собственного собрания. До сих пор в Национальном музее Татарстана хранятся экспонаты, названные в книге поступлений «заусайловскими».

В последующий период судьба коллекции, так же как и ее собирателя, складывалась весьма драматично. В 1904 г. В. И. Заусайлов был полностью разорен, и все его имущество, включая и уникальную коллекцию, выставили на продажу. В этой ситуации, лишившись не только состояния, но и любимого детища — бесценной коллекции, собиранию которой было отдано без малого тридцать лет, Заусайлов сделал попытку сохранить ее для потомков. Для этого он обратился в Общество археологии, истории и этнографии с просьбой купить коллекцию для музея. На заседании Общества, состоявшемся в апреле 1905 г., коллекция была оценена в пять тысяч рублей. Эта сумма оказалась непосильной не только для Общества, но и для Казанского городского музея; не смог приобрести ее и университет. Поэтому коллекция осталась в распоряжении комиссии, назначенной для распродажи заусайловского имущества. Ее еще несколько раз выставляли на аукцион, но при жизни В. И. Заусайлова она так и не нашла своего покупателя.

В конце 1908 г. о заусайловском собрании узнал российско-финский ученый А. М. Тальгрэн. Познакомившись с описью коллекции, он предложил Государственному историческому музею Финляндии приобрести ее. Весной 1909 г. коллекция В. И. Заусайлова была отправлена в г. Гельсингфорс (Хельсинки), где и хранится до сих пор в Национальном музее Финляндии.

В 1916 г. А. М. Тальгрэн опубликовал часть коллекции, относящуюся к бронзовому веку, а также некоторые из раннесредневековых скандинавских и финно-угорских предметов. В сопроводительной статье, анализируя коллекцию, он отмечает, что ее значение как научного источника заключается в тех возможностях, которые она открывает для сравнительно-типологических исследований в области археологии.⁶ Учитывая количественный состав собрания, широкий территориальный и хронологический диапазон (от Волги до Урала; от каменного века до раннего Средневековья), а также разнообразие представленных в ней археологических культур, можно полностью с ним согласиться. Остается только сожалеть, что столь ценное собрание, не имевшее себе равных в России, волею обстоятельств оказалось за ее пределами.

К счастью, такая участь не постигла коллекции, как археологические, так и этнографические, собранные И. Н. Смирновым.

Иван Николаевич Смирнов принадлежал к числу заметных собирателей-корреспондентов Этнографического отдела Русского музея, пополнивших музейное собрание в первые годы его существования первоклассными этнографическими коллекциями. Однако эта работа была лишь небольшой частью его многогранной научной деятельности.

И. Н. Смирнов родился 7 января 1856 г. в Царевкокпайском у. Казанской губ. в семье сельского священника. Сначала он учился в духовном училище, а затем — в Казанской духовной семинарии. В 1874 г. Смирнов поступил на историко-филологический факультет Императорского Казанского университета, получая все годы учебы стипендию Министерства народного просвещения. В 1878 г., окончив Университет со степенью кандидата и золотой медалью за студенческую работу на тему «Очерк политической и церковной истории Хорватского государства до подчинения его Венгерской короне», он был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию».⁷

Научные исследования И. Н. Смирнова в этот период по-прежнему были посвящены истории южных славян. В 1881 г. он защищает магистерскую, а в 1885 г. — докторскую диссертацию по истории Далматинского побережья, в 1881 г. становится приват-доцентом, в 1884 г. — экстраординарным, а в 1886 г. — ординарным профессором кафедры всеобщей истории Казанского университета.

Университетская карьера И. Н. Смирнова и связанная с ней научно-преподавательская деятельность развивались вполне успешно. В период подготовки диссертации его часто направляли в длительные зарубежные командировки для работы в научных архивах и библиотеках.⁸

Интерес И. Н. Смирнова к этнографии коренного населения Поволжья не случаен. Отец его был мари́йцем, говорившем на родном языке. Влияние на выбор объекта изучения оказал и профессор М. П. Веске, приехавший из г. Дерпта (Тарту) в Казанский университет преподавать финно-угорские языки. Летом 1888 г. И. Н. Смирнов вместе с М. П. Веске отправился в свою первую этнографическую экспедицию в Казанскую, Нижегородскую, Костромскую, Уфимскую и Пермскую губ. Цель экспедиции состояла в изучении культуры мари́йского населения этого региона. В 1889 г. И. Н. Смирновым была опубликована его первая монография «Черемисы», явившаяся началом его систематического и целенаправленного изучения финно-угорских народов Волго-Камья. Летом 1889 г. он отправляется в Казанскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Пермскую и Уфимскую губ., и через год выходит в свет его очередная монография «Вотяки». В 1890 г. Смирнов включает в свои исследования Вятскую и Пермскую губ., в результате чего появляется еще одна монография — «Пермяки» (1891 г.), посвященная памяти М. П. Веске. В этом же году он снова едет в экспедицию и посещает Нижегородскую, Пензенскую, Тамбовскую, Самарскую, Симбирскую, Саратовскую и Уфимскую губ. В 1892 г. Иван Николаевич публикует очередной труд — «Мордва»⁹.

Таким образом, менее чем за десять лет И. Н. Смирнов охватил своими исследованиями все финно-угорские народы Волго-Камья. К середине 1890-х гг. он уже получил известность в научных кругах как глубокий знаток истории и культуры финно-угров. Целью его фундаментальных работ являлась не просто фиксация в полевых условиях личных

наблюдений, касающихся тех или иных аспектов. Смирнов выдвигает на первый план задачу научной систематизации материалов, собранных предыдущими исследователями, которую блестяще решает в своих трудах. По словам известного этнографа С. К. Кузнецова, И. Н. Смирнов «обладал способностью быстро ориентироваться в кругу ясных вопросов, быстро схватывать характерные черты и синтезировать их».¹⁰ Используя сравнительный метод, ученый дает всестороннее описание традиционной культуры финно-угорских народов, касающееся как материальной культуры, так и особенностей этнического самосознания, обрядов и верований. Заметное место в исследованиях Смирнова занимает изучение пережитков древних традиционных религиозных верований у финно-угров Поволжья. Этой теме он касается почти во всех своих монографиях. Кроме того, этой проблеме посвящена отдельная работа, где гармонично соединены образцы народной поэзии и свидетельства местного населения.¹¹

Оппоненты И. Н. Смирнова упрекали его в излишнем увлечении идеями и методами западных ученых-эволюционистов Г. Спенсера и Э. Тейлора. Однако необходимо учитывать тот факт, что начиная с 1870-х гг. эволюционизм был преобладающим направлением в русской этнографии. Именно в это время И. Н. Смирнов формировался как ученый, поэтому совершенно естественна его приверженность к данному научному течению. Очевидно, сыграло определенную роль и посещение Э. Тейлором Казани именно в тот период (1889 г.), когда Иван Николаевич приступил к этнографическим исследованиям.¹² Как последователь эволюционизма он уделял большое внимание изучению семейных отношений, был сторонником теории «коммунального брака» (вариантов полигамии) древних финно-угорских народов, находил его пережитки в культуре современных финно-угров. Его труды имели широкий резонанс в среде провинциальных ученых, инициировав появление ряда работ как поддерживающих высказанные Смирновым идеи, так и полемизирующих с ними. Например, основные положения его публикаций, касающиеся семьи и социальной организации финно-угров, вызвали живейший интерес в Коми крае как у местных ученых-исследователей, так и у просто интересующихся этой проблемой. Так, в РГО хранится рукопись земского врача из Соль-Вычегодского у. Е. П. Савостьянова, посвященная семейно-брачным отношениям печорских коми;¹³ эта же тема раскрывается в работе В. П. Налимова «К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян»¹⁴ и в публикации «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян» молодого начинающего этнографа, в будущем известного социолога П. Сорокина.¹⁵ Таким образом, И. Н. Смирнов, безусловно, способствовал развитию и становлению этнографической науки у финно-угорских народов России.

Заметим, что именно на 1890-е гг. период интенсивных этнографических исследований И. Н. Смирнова, приходится также пик его археологической деятельности. Несомненно, это не было простым совпадением. В своих фундаментальных трудах он уделял много внимания археологическим материалам, желая научно обосновать и доказать автохтонность финно-угорских народов Поволжья. Видимо, это было одной из причин углубленного археологического исследования территории Волго-Камья.

В отличие от В. И. Заусайлова, И. Н. Смирнов занимался археологией профессионально. Он проводил исследования памятников, получая ежегодно от Императорской археологической комиссии (ИАК) открытый лист на право проведения раскопок в Казанской губ. и

прилегающих к ней территориях.¹⁶ Иван Николаевич Смирнов был активным членом Общества археологии, истории и этнографии, год основания которого совпал с датой окончания им университета, и в числе других университетских преподавателей входил в его Совет, определявший основные направления деятельности Общества. Для изучения истории Волго-Камья Смирнов привлекал в первую очередь данные этнографии и археологии. Он неоднократно принимал участие в работе археологических съездов: VIII — в Ярославле (1887 г.), VIII — в Москве (1890 г.), X — в Риге (1896 г.), а также Международного антропологического конгресса в Москве (1892 г.).¹⁷

Следует отметить, что в 1980-90-е гг. местные ученые активно занимались изучением бронзового века Волго-Камского региона как времени возникновения и развития протофинно-угорских культур. К этому же периоду относится и деятельность И. Н. Смирнова в области археологических исследований.

Центральным археологическим учреждением Российской империи в то время была Императорская археологическая комиссия, куда стекалась вся информация о древних находках в различных регионах страны. Большую помощь Комиссии оказывали ученые из провинциальных научных центров. В Казани таким человеком был И. Н. Смирнов, известный как знаток истории и культуры народов Поволжья. Так, с 1892 по 1895 г. он занимался раскопками Каракулинского могильника бронзового века в Елабужском у. Вятской губ. Работа проводилась по поручению Археологической комиссии, получившей сведения о могильнике от вятского губернатора. Открытый лист, выданный Комиссией И. Н. Смирнову в 1892 г., давал право на раскопки в пределах Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской губ.¹⁸ Со Смирновым охотно сотрудничал известный археолог А. А. Спицын, интересовавшийся «мордовскими древностями». В своей записке в ИАК в 1892 г. он писал: «Готовность, выказанная профессором Казанского университета И. Н. Смирновым, известным исследователем финских народностей, принять равное со мной участие в намеченной поездке, несомненно, придаст ей еще большее значение. В одной из последних статей проф. Смирнова отмечается до 100 местностей мордовского края, интересных в археологическом отношении, так что успешность разведок и исследований этого края может считаться обеспеченной».¹⁹ У И. Н. Смирнова нет публикаций, касающихся археологических исследований Волго-Камья, поскольку это не относилось к сфере его основных научных интересов, однако при раскопках он собрал несколько археологических, палеоэтнографических и антропологических коллекций, которые были отправлены соответственно в Исторический музей (Москва) и Музей антропологии и этнографии (Санкт-Петербург).²⁰

И. Н. Смирнов интересовался и музейным делом. При университете существовал Музей этнографии и отечествоведения, созданный на основе коллекций, сформированных в результате изучения истории местного края. Во время этнографических экспедиций И. Н. Смирнов собирал вещевые и фотоколлекции. В университетском музее хранились материалы, привезенные им из экспедиций: одежда и утварь, чертежи жилищ и фотографии, отражающие быт и религиозные верования марийцев, удмуртов и мордвы.²¹

К началу XX в. в результате научных исследований в центральных и региональных этнографических музеях России сформировались значительные вещевые коллекции, которые в целом отражали все многообразие культуры народов Российской империи. Однако этим собраниям недоставало научной полноты.

Идея создания этнографического музея, исследующего и показывающего культуру и быт народов России, была претворена в жизнь в 1898 г. с принятием решения об организации в Русском музее отдела этнографии. В обсуждении принципов его организации приняли участие не только представители столичной интеллигенции, но и ученые из провинциальных научных центров. Не остался в стороне и И. Н. Смирнов, к тому времени уже известный в научных кругах финно-угровед, один из организаторов исследовательской работы общества по изучению истории своего региона, собиратель этнографических коллекций, внесший значительный вклад в пополнение собрания Казанского музея этнографии и отечествоведения.

В 1901 г. во время летних каникул Смирнов был командирован от Университета «с научной целью» в Варшаву и Санкт-Петербург. В столичной Академии наук он делает доклад о принципах устройства Этнографического отдела Русского музея.²² В отличие от авторов концепции вновь создаваемого музея, которые видели его не только научным, но и просветительным учреждением, он считал, что «музей должен быть учреждением научным и складываться соответственно основным задачам этнографической науки».²³ Принципы комплектования этнографического музейного собрания И. Н. Смирнов рассматривал как последовательный эволюционист, предлагая представить в нем коллекции однородных предметов, собранных на всей территории России. Он считал, что необходимо их типологическое и сравнительно-историческое изучение с привлечением аналогичных форм, бытовавших у зарубежных народов, что позволило бы уяснить происхождение того или иного элемента автохтонной культуры. Поэтому Смирнов предлагал включать в музейное собрание коллекции, характеризующие культуру народов сопредельных с Россией стран. У него также была идея устроить во дворе музея выставку различных типов жилищ, хозяйственных построек, культовых полей и т. п., что свидетельствует о том, что ученый был знаком с зарубежным опытом создания музеев под открытым небом (скансенов), сеть которых стала формироваться на рубеже XIX–XX вв. в скандинавских странах. Заметим, что Н. М. Могилянский, один из основателей Этнографического отдела Русского музея, посетивший в 1906 г. скандинавские музеи, в том числе и первый в мире скансен, созданный в Швеции в 1891 г., весьма скептически отнесся к данной форме музейной этнографической экспозиции, расценивая ее как «смешение науки с посторонними ей ингредиентами».²⁴

Видимо, именно 1901 г. следует считать временем начала сотрудничества И. Н. Смирнова с Этнографическим отделом Русского музея, сотрудники которого в сжатые сроки должны были сформировать репрезентативное этнографическое собрание для вновь создаваемого музея.

В 1902 г. в Этнографический отдел Русского музея поступили первые коллекции, собранные И. Н. Смирновым в Поволжском регионе. Они состояли из предметов, отражающих культуру тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья: татар (Казанская и Пензенская губ.), чувашей (Казанская, Самарская, Уфимская губ.), удмуртов и бессермян (Вятская губ.), марийцев (Казанская и Уфимская губ.), мордвы (Казанская, Самарская, Тамбовская, Нижегородская губ.).²⁵

Чувашские коллекции (кол. №№ 88, 176, 178–180) содержат образцы вышивок, предметы одежды, головные уборы, украшения.²⁶ Наибольший интерес представляют вышитые женские и девичьи рубахи, датированные XIX в. — от начала до конца, что позволяет проследить эволюцию данного типа женской одежды. Татарские коллекции, представляющие две

локальные группы — татар-мишарей из Пензенской губ. (кол. №№ 88, 399) и крещеных татар из Ланшеевского у. Казанской губ. (кол. № 182), состоят из предметов одежды, головных уборов и образцов вышивки. Материалы тюркских коллекций собирались И. Н. Смирновым в многонациональных районах, местах чересполосного проживания русских, татар и чувашей. Поэтому коллекционные сборы содержат материал, свидетельствующий о взаимовлиянии культур этих народов. Например, рубахи татар-мишарей (кол. № 88) свидетельствуют о влиянии соседей — чувашей. Небольшая удмуртская коллекция (кол. № 183) состоит всего из трех предметов — старинных головных уборов.²⁷ Наиболее многочисленно марийское собрание. Оно отражает культуру таких локальных групп, как марийцы луговые (кол. №№ 174, 278) и марийцы восточные (кол. № 175). Коллекция содержит одежду, головные уборы, украшения, музыкальные инструменты, а также предметы, связанные с воспитанием детей, верованиями и обрядами. Значительный интерес представляют мордовские коллекции (кол. №№ 181, 397, 398), так как входящие в ее состав предметы отражают культуру трех локальных групп мордвы — эрзи, мокши, каратаев. Образцов подобной одежды нет ни в одном музее страны.²⁸

В 1903 г. И. Н. Смирнов передал в Этнографический отдел Русского музея крупную чувашскую коллекцию (кол. № 279), собранную им на территории Казанской и Самарской губ., и коллекцию татар-мишарей из Пензенской губ. (кол. № 399). В Казанской же губернии им была собрана коллекция, отражающая культуру марийцев луговых (кол. № 278). Она включает в себя утварь, украшения, головные уборы, а также предметы, связанные с верованиями и обрядами.

В 1904 г. музейное собрание пополнилось очередными коллекциями И. Н. Смирнова, оказавшимися его последними сборами. К ним относится небольшая чувашская коллекция (кол. № 401) из Казанской губ., состоящая из предметов, связанных с охотой, утвари и посуды, а также коллекция с территории Вятской губ. (кол. № 363), включающая в себя кроме двух марийских вещей из Елабужского у. 175 предметов одежды северных удмуртов и 8 предметов (одежда, головные уборы, образцы вышивок), отражающих культуру бессермян из Глазовского и Сарапульского у.²⁹ Уникально собрание белой вышитой одежды северных удмуртов, давно ушедшей из быта и редко встречающейся в других музеях страны.³⁰

В своих полевых исследованиях И. Н. Смирнов не ограничивался сбором только вещевых материалов. Он занимался тщательной фотофиксацией наблюдаемых явлений традиционной культуры. Фотоколлекции, переданные им в ЭО РМ, насчитывают 289 фотографий, характеризующих быт и культуру мордвы (кол. № 202), марийцев (кол. № 204), удмуртов (кол. № 205), чувашей (кол. № 203) и башкир (кол. № 206).

Собранный Смирновым фотографический материал отражает различные стороны культуры коренных народов Поволжья. Это общий вид селений, хозяйственные занятия, жилище, одежда. Каждая коллекция содержит значительное количество фотографий антропологических типов изучаемых этносов. Известно, что большое место в исследованиях И. Н. Смирнова занимало изучение языческих верований народов Поволжья. Поэтому коллекция содержит много фотографий, посвященных культовым памятникам, таким как моленные рожи (*луды, кереметы*), «священные деревья», а также языческим обрядам.

Преждевременная смерть И. Н. Смирнова, наступившая 15 мая 1904 г., прервала его столь плодотворно начавшуюся деятельность по пополнению собрания ЭО РМ. Если

вспомнить слова С. К. Кузнецова о том, что труды И. Н. Смирнова по истории и культуре народов Поволжья являются памятником его научной деятельности, то про собранные им этнографические коллекции без преувеличения можно сказать, что они увековечили его имя в истории музейного собирательства.

Коллекции И. Н. Смирнова во многом уникальны, поскольку в них зафиксирован пласт в то время уходящей, а в наше время уже ушедшей культуры тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья. Его собрание охватывает широкий спектр этнографических тем, характеризующих традиционную культуру различных этносов как на основных территориях проживания, включая контактные зоны, так и за их пределами. В целом И. Н. Смирнов приобрел для музея 18 коллекций, насчитывающих около 1800 предметов. Собранные им коллекции заложили фундамент собрания РЭМ по тюркоязычным и финно-угорским народам Поволжья, послужили основой для их дальнейшего изучения. Коллекции И. Н. Смирнова используются специалистами, изучающими различные аспекты этнографии Волго-Камья, в качестве научных источников.²¹ Находят они широкое применение и в музейной практике РЭМ. Так, например, предметы из его коллекций включены в экспозицию «Народы Поволжья и Приуралья. Середина XIX — начало XX в.», построенную в 1977 г. Экспонировались они и на выставке «Одежда и декоративно-прикладное искусство народов Поволжья и Приуралья».

Анализируя многогранную научную и общественную деятельность И. Н. Смирнова, начинаешь понимать всю масштабность его личности. При жизни он находился отчасти в тени многих своих современников — известных ученых, коллег по университету, которым, скорее всего, так же, как и нам сейчас, казалась несколько наивной та страсть, с которой он, например, в работе «Задача и значение местной этнографии» (1891 г.), пытался донести до читателя значение «английской науки», как он называл социологию Г. Спенсера. Однако его монографии до сих пор не потеряли своего значения как источники сводной систематизированной информации по этнографии всех финно-угорских народов Поволжья, бесценным дополнением к которым являются собранные им этнографические коллекции. Бесспорно и то, что под воздействием его трудов русские провинциальные интеллигенты, контактируя в многонациональных регионах с коренным населением, стремились понять и принять их культуру.

И. Н. Смирнов и В. И. Заусайлов были плоть от плоти русской провинциальной интеллигенции конца XIX — начала XX в., с ее жаждой познания окружающего мира, страстью к просветительству, подвижническим служением благородным и гуманным идеям, внесшей существенный вклад в историю российской культуры и науки.

Примечания

- ¹ Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. СПб., 1890. С. 178–297.
- ² Назипова Г. Благородная страсть собирательства // Казань. № 8–9. 1997. С. 15–20.
- ³ Tallgren A.-M. Collection Zaoussailov au musee historique de Finland a Helsingfors. Helsingfors. 1916. С. 2–7.
- ⁴ Катанов Н. Несколько слов о Казанских коллекционерах // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 39–40.
- ⁵ Заусайлов В. И. Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губернии. Казань, 1884.
- ⁶ Tallgren A.-M. Указ. соч.
- ⁷ НАРТ, ф. 977, оп. л. д. 997, л. 1–7.
- ⁸ Там же, ф. 977, оп. «Совет», д. 10011, л. 394–401.
- ⁹ Смирнов И. Н. 1) Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань, 1889; 2) Вотяки: Историко-этнографический очерк // Изв. о-ва арх., ист. и этногр. при Импер. Казанском ун-те. 1890. Т. VIII. Вып. 2; 3) Пермьяки: Историко-этнографический очерк. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 2; 4) Мордва: Историко-этнографический очерк. Казань, 1895 (отд. Оттиск из X–XII т. «Известий...»).
- ¹⁰ Кузнецов С. К. И. Н. Смирнов. ЭО. Кн. LXI. 1904. № 2. С. 214–216.
- ¹¹ Смирнов И. Н. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских «финнов». Казань, 1889.
- ¹² Пинегин М. Указ. соч. С. 334.
- ¹³ Архив РГО, разряд VII, оп. 1, д. 98, л. 13–14.
- ¹⁴ Налимов В. П. К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар, 1991. С. 5–23.
- ¹⁵ Сорокин П. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Этнографические этюды. Сыктывкар, 1999. С. 63–65.
- ¹⁶ Архив ИИМК, ф. 1, д. 78, л. 3–5об.
- ¹⁷ НАРТ, ф. 977, Совет, д. 10011, л. 399об.
- ¹⁸ Архив ИИМК, ф. 1, д. 94, л. 5–5об.; ф. 1, д. 144, л. 6.
- ¹⁹ Там же, ф. 1, д. 94, л. 1.
- ²⁰ Там же, ф. 1, д. 94, л. 82–88.
- ²¹ Пинегин М. Указ. соч. СПб., 1890. С. 385–386.
- ²² Смирнов И. Н. Несколько слов по вопросу об организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III // Изв. Импер. Акад. наук. Т. XV. № 2. 1901. С. 225–237.
- ²³ Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 227.
- ²⁴ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 45.
- ²⁵ Авижанская С. А., Браун М. А., Крюкова Т. А. Каталог-указатель: (Краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР) / Музей и современность. М., 1975. С. 186–281.
- ²⁶ Народы Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 2: Тюркоязычные народы: Каталог-указатель этнографических коллекций / Авт. Заднепровская А. Ю., Лойко Л. М. Л., 1990.
- ²⁷ Котова Е. Н. Вышитая одежда удмуртов. XIX–XX вв.: Каталог коллекции. Л., 1987.
- ²⁸ Народы Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1: Финно-угорские народы: Каталог-указатель этнографических коллекций / Авт. Добрачева Л. Л., Заднепровская А. Ю., Котова Е. Н. Л., 1990.
- ²⁹ Федорова И. С. Комплектование коллекций по этнографии бессермян в собрании РЭМ // О бессермянах. Ижевск, 1997. С. 121–129; Народы Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1. Финно-угорские народы. С. 80–81, 120.
- ³⁰ Kotova Jevgenia. Volgo-Kaama regiooni some-ugri rahvaste etnograafilised kogud venemaa etnograafiamuseumis // Eesti rahva muuseumi aastaraamat. Tartu, 1998. XLII. L. 79–86.
- ³¹ Никитин Г. А., Крюкова Т. А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960; Крюкова Т. А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск; Ленинград, 1973.